

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 2, pp. 255–262, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-255-262
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 397+613.4

Личная и общественная гигиена в понимании и в жизни кочевников

Баир Зориктоевич Нанзатов¹
 Марина Михайловна Содномпилова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* С древних времен в традициях многих народов возникли представления о чистоте тела, одежды, предметов быта и были выработаны правила соблюдения гигиены, поведения при естественных физиологических процессах, происходивших в организме человека. В среде тюрко-монгольских кочевников, освоивших маловодные и засушливые районы Внутренней Азии, сложилась своеобразная культура личной и общественной гигиены. *Задача:* исследование традиционной культуры личной и общественной гигиены монголов и — шире — тюрко-монгольских кочевников Внутренней Азии. *Материалы и методы.* Основной корпус источников, использованных в данном исследовании, представляют археологические, этнографические, исторические материалы, раскрывающие быт и культуру кочевников Внутренней Азии — от хунну до тюркских и монгольских народов, связавших свою жизнь с этим регионом. Суровые природные условия территории проживания кочевников Внутренней Азии и кочевой образ жизни создавали определенные трудности для соблюдения личной гигиены и особенно осложняли жизнь женщины. С другой стороны, снимались многие гигиенические проблемы — от скученности населения до отсутствия благоприятных условий для развития болезнетворных бактерий. *Результаты.* Выявлено, что в среде кочевников сложившиеся своеобразные представления о чистоте тела, одежды, утвари, жилища, практически полностью соотносятся со сферой духовного и слабо связаны с гигиеной. Однако ряд представлений и традиций служил профилактическими мерами, препятствуя распространению инфекционных заболеваний. Таковыми являются обычай пользоваться личной посудой в пути или гостях, запрет на ношение чужой одежды.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, кочевники, гигиена, предметы личной гигиены, одежда, жилище

Благодарности. Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00120 «Традиционные медицинские знания монгольских народов в ретроспективе и в будущем».

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Личная и общественная гигиена в понимании и в жизни кочевников. *Oriental Studies*. 2019;(2):255-262. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-255-262.

UDC 397+613.4

Personal and Public Hygiene of Nomads: a Case Study of Related Concepts and Practices

*Bair Z. Nanzatov*¹

*Marina M. Sodnompilova*²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov@yandex.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* Since early times, traditions of different nations gave rise to ideas about purity of the body, clothing, and household items; so, certain rules have been developed to observe hygiene and behavioral norms during natural physiological processes inherent to the human body. The Turko-Mongolic nomads to have inhabited the dry and arid regions of Inner Asia developed a peculiar culture of personal and public hygiene. *Objectives.* The paper seeks to investigate the traditional culture of personal and social hygiene of Mongols – and more widely Turko-Mongolic nomads of Inner Asia. *Materials and Methods.* The main corpus of sources used in the research consists of archaeological, ethnographic, and historical materials that demonstrate some daily routine and culture of Inner Asian nomads — from the Xiongnu to later Turkic and Mongolic peoples connected with the region. The harsh natural conditions of the territory and the nomadic lifestyle created certain difficulties for practicing personal hygiene and especially complicated women’s life. On the other hand, many hygienic problems, such as overcrowding, accumulation of garbage and sewage, emergence of rodents spreading parasites and disease, – disappeared (i.e. there were no favorable conditions for spreading pathogenic bacteria). *Results.* The article reveals that nomadic communities established original ideas of purity of the body, clothes, utensils, and dwelling – completely correlate with the spiritual sphere and not closely connected with the hygiene as such. However, a number of ideas and traditions served as special measures to prevent any spread of infectious diseases. So, there was a custom to use one’s own dish while travelling or paying visits, and there was a ban to wear other people’s clothes. The dry and frosty climate did not contribute to the growth of pathogenic bacteria for most of the year. Archaeological finds of the Xiongnu and Khitan periods indicate the presence of special sets of hygienic devices which had been integral parts of men’s and women’s costumes, and were preserved in costumes of nomadic cultures to the 19th – early 20th centuries. Among the archaeological finds, toothbrushes attract particular attention. Under the conditions of water shortage and cold winters, it was most difficult to observe body hygiene. Hands and face were washed daily, in winter skin was rubbed with snow. Body washing procedures mainly occurred during the warm season. Women, fearing the wrath of the owner of the water, made ablutions in secluded places. During the menstruation period, animal hair and moss were used as pads. Oil and fat were used as a means to protect skin from moisture loss under conditions of frost and strong winds. Furthermore, the nomadic way of life determined the observance of hygienic requirements in nomadic dwellings. Due to regular changes of residence, the felt yurt would not become a breeding ground for pathogenic bacteria and parasites and was well ventilated. Stationary wooden dwellings of Siberian Turkic peoples and Buryats were aired, freed and thoroughly washed with sand and water during seasonal movements. The mentioned groups regularly dried, aired and freed household items (bedding, carpets) and clothes.

Keywords: Inner Asia, nomads, hygiene, personal hygiene items, clothes, dwelling

Acknowledgements. The publication was granted by Russian Foundation for Basic Research: grant No. 19-09-00120 'Traditional Medical Knowledge of Mongolian Nations in Retrospect and in Future'.

For citation: Nanzatov B., Sodnompilova M. Personal and Public Hygiene of Nomads: a Case Study of Related Concepts and Practices. *Oriental Studies*. 2019;(2):255-262. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-255-262.

Гигиена как основа медицинских знаний занимает видное место в религиозном законодательстве и охватывает самые разные аспекты жизнедеятельности многих народов Древнего мира, включая население Египта, Месопотамии, Иудеи и др. С древних времен в традициях многих народов возникли представления о чистоте тела, одежды, предметов быта и были выработаны правила соблюдения гигиены, поведения при естественных физиологических процессах, происходивших в организме человека.

Исследованию исторического контекста формирования медицинского знания, в том числе и гигиены, посвящено множество работ [Балалыкин 2013; Ермакова, Повод 2007], однако особенности развития культуры гигиены в кочевой среде все еще не стали предметом специального исследования.

Условия быта кочевников Внутренней Азии, которые наблюдали исследователи XVII–XIX вв., единогласно признавались антисанитарными. Согласно распространенному мнению, которое сформировалось в этот период, кочевники редко мылись и не стирали свою одежду, которую предпочитали носить до тех пор, пока она не превращалась в лохмотья.

Представления о неопрятности жилища связывались с отсутствием полов, пребыванием в юрте детенышей домашних животных — новорожденный молодой кочевник обычно держали в юрте, пока он не окрепнет. В какой степени быт кочевника расходился с представлениями об индивидуальной и общественной гигиене, выработанными в европейской культуре, каков был уровень гигиены людей, воспроизводящих кочевой образ жизни с медицинской точки зрения? Эти и другие актуальные проблемы, отражающие в той или иной степени культуру гигиены кочевников Внутренней Азии, являются целью исследования в данной работе.

Взгляды на личную и общественную гигиену менялись на протяжении всей

истории человечества и зависели от разных факторов — природных условий среды проживания, экономики, политики, религии, культуры и др. Очевидно, что с точки зрения общественной и личной гигиены самой ужасающей в истории человечества была ситуация в средневековых городах Европы. Антисанитарные условия средневековых городов Европы, улицы которых представляли сточную канаву и скопления мусора, делали крупные поселения рассадником всевозможных болезней. Религиозные воззрения о вредности воды привели к тому, что люди не мылись годами, а запах невымытых тел маскировали с помощью духов. Вши и блохи, которых распространяли грызуны, были обычными и даже «священными» (вшей называли «божьими жемчужинами») обитателями одежд, волос и париков знатных особ [Донецкая 2017: 45].

Большинство гигиенических проблем средневековой городской жизни были незнакомыномадам. Кочевой образ жизни снимал проблему скученности людей в одном месте, из которой вытекали и другие проблемы — скопления мусора, нечистот, появление грызунов, распространяющих паразитов и болезни. Сухой и морозный климат большую часть года не способствовал развитию болезнетворных бактерий. Кочевая жизнь была практически безотходной — после кочевки семьи на другое место следов пребывания человека на прежнем стойбище, за исключением пятна от очага, не оставалось.

Определенные представления о гигиененомадов Внутренней Азии демонстрируют археологические находки разного времени. Так, например, среди находок киданьского городища Чинтологой-балгас были найдены костяные артефакты, напоминающие внешним видом современные зубные щетки [Kradin, Ivliev 2008: 441].

Кидани — кочевники-скотоводы, вошедшие в состав Монгольской империи, впервые упоминаются на страницах ки-

тайской династийной хроники «Вэй шу» в 551–554 гг. [Крадин и др. 2011: 151–152]. В составе погребений хунну профессором П. Б. Коноваловым неоднократно фиксируются металлические предметы, напоминающие миниатюрные ложечки, предназначение которых исследователь видел либо в приготовлении лекарств, либо для использования в гигиенических целях. Такой предмет более известен под названием копоушка или ухвертка [Коновалов 1976: 199]. В составе артефактов хуннских погребений были найдены и многие другие предметы, назначение которых все еще остается неясным [Коновалов 1976: 205–206]. Вполне вероятно, что среди них могли быть и предметы, предназначенные для гигиены. Копоушки были хорошо известны у народов Евразии с давних времен. Наиболее ранние находки этих предметов приходится на конец II – начало I тысячелетия н. э. [Крылова 2007: 281].

В кочевой культуре сложилась традиция ношения предметов личной гигиены на поясе, наряду с оружием. Очевидно, этот факт отражают археологические находки у жужаней — бронзовый комплект предметов, в состав которых входит и миниатюрная лопаточка — ухвертка. Комплект был обнаружен в погребении на уровне пояса умершего [Эрдэнэбат и др. 2018: 124–125]. Этот комплект сохраняется в традиционном костюмном комплексе кочевников вплоть до начала XX в.

В женском костюме бурят он обозначался как «боковые», либо «поясные» украшения. В его состав входили копоушки (*малтуур*, *хулхуур*, *хультибша*), щипчики для вынимания заноз (*шимхуур*), зубочистка из кости (*шудэни шигшуур*) [Галданова 1992: 128].

Щипчики (пинцет), как пишет Р. Д. Бадмаева, могли использовать и для выщипывания волос. В XIX в. этот гигиенический набор подвешивался на серебряной цепочке или шелковой ленте к круглой серебряной пластине (*бэһын хантарга*), крепившейся к поясу. Девушки, в отличие от женщин, носили боковые украшения, пристегнув к поясу [Бадмаева 1987: 77].

В среде кочевников сложились своеобразные представления о чистоте тела, одежды, утвари, жилища. Понятия *ариун* ‘чистота’ и *бузар* ‘нечистота’ практически

полностью соотносятся со сферой духовного. Эти понятия характеризуют весь мир, окружающий кочевника: природные явления, территории, живые существа, цвета, вещи. Нечистыми могут быть земли, непригодные для проживания, ветра, которые приносят с собой болезни, животные, созданные главой подземного мира — Эрлик-ханом. Нечистыми признавались люди, находящиеся в состоянии «перехода» из одного мира в другой: только что родившийся младенец, роженица, умирающий или уже умерший. Женщина признается ритуально нечистой не только во время родов, но в период месячных очищений. Вследствие этого ее вещи, особенно связанные с интимными частями тела, — обувь, чулки, штаны и даже войлочный ковер, на котором она сидит, считались нечистыми, способными осквернить, т. е. лишить силы и даже жизни мужчину.

Эти представления были слабо связаны с понятием гигиена. Пыль, земля, выделения животных, жир, шерсть — всё то, что воспринималось как грязь в европейской культуре, было неотъемлемой частью кочевого быта и не могло восприниматься как что-то грязное, от чего нужно немедленно избавиться. Естественные выделения человеческого организма, например пот, также не рассматривались как нечистота. Более того, утрата естественных запахов, присущих человеческому телу, считалась потерей его «опознавательных знаков», по которым человека узнавали духи его родных мест. Врач, работавший среди эвенков в далекой сибирской глубинке, был поражен реакцией пациента больницы — мужчины-эвенка, охотника, который после бани впал в стрессовое состояние. «Как я теперь в тайге появлюсь? Духи-помощники меня не признают. У них глаз нет, они по запаху людей чувствуют», — рыдал охотник. Через час он нашел выход — разбил форточку и кусочком стекла расцарапал себе вены, разукрасил себя кровью и успокоился, уверенный в том, что теперь духи его узнают [Коледнева 2009: 187].

Мнение о нечистоплотности кочевников сложилось главным образом в силу того, что в их жилищно-поселенческий комплекс не входили такие стационарные объекты, как баня, которые бы служили явным маркером соблюдения гигиены членами семьи. Все гигиенические процедуры в

кочевом обществе осуществлялись в лесу, у реки. Открыто купаться в водоемах могли только мужчины и дети. Женщины, опасаясь гнева хозяина воды, совершали омовения в укромных местах, сливая грязную воду в специально приготовленную ямку. В период месячных женщины использовали в качестве прокладки шерсть животных, мох. Процедуры омовения в основном приходились на теплое время года. Как средство, защищающее кожу от потери влаги в условиях морозов и сильных ветров, использовали масло и жир.

В теплое время года стирали одежду. Речь, конечно же, идет о тех видах материи, которые можно было стирать, — хлопке и шелке. Известно, что большая часть видов одежды кочевников изготавливалась из шкур диких и домашних животных. Даже некоторые виды нательной одежды — короткие штаны, нагрудник (прототип бюстгалтера) шились из мягкой, хорошо выделанной шкуры диких коз — замши. В тесном взаимодействии кочевого мира Внутренней Азии с оседлым земледельческим югом — народами Поднебесной и Центральной Азии, выражавшемся в набегах и сменявших их мирных торговых отношениях, в обиход кочевников вошли изделия из шелка и хлопка. Кидани в процессе неоднократных вторжений в соседний Китай в X в. получали в виде дани ежегодно 300 тыс. кусков шелка [Крадин и др. 2011: 8–9].

К хунну попадали из Китая шелк и шелковая вата, вышитые шелком ткани, готовая одежда [Коновалов 1976]. Шелковые одежды в большей степени были распространены среди знати, но и семьи простых воинов, отличившихся в бою, не обделялись в процессе распределения добычи.

В XVII в., согласно первым отпискам русских казаков-первопроходцев, у бурят были в ходу разного рода бухарские и китайские хлопчатобумажные ткани — киндяк, зендень, белье, китайка; шелковые — дороги, камка. У знати встречался изысканный бархат не только в одежде, но и в отделке внутреннего пространства юрты [Бадмаева 1987: 12].

Социальное расслоение общества, усилившееся в условиях государственных систем Российской и Цинской империй, в составе которых оказались монгольские народы, привело к обнищанию значитель-

ной части людей. В наибольшей степени социальная дифференциация проявлялась в XIX в. Внешние проявления различий в достатке разных слоев населения были вызваны и рядом государственных решений, продиктованных стратегией внешней политики. С включением Сибири в состав Российской империи, одним из первых ограничений, которое стало регулировать жизнь бурятского общества, стали запреты на приграничную торговлю с Монголией, Китаем [Залкинд 1970: 85–95; Тумурова 2005: 67], в целях стимулирования продажи европейских и русских товаров среди бурят. Буряты стали приобретать другие виды ткани — лен, сукно. При этом товар достать было трудно, и стоил он дороже. Такая ситуация сохранялась и в конце XIX – начале XX вв.: «... забайкальцу и достать что-либо, даже из предметов первой необходимости, стоит нередко в два, три раза дороже, чем в другой местности нашего отечества» [Осокин 1906: 82].

Богачи одевались в шелка, отделявали свои одежды соболем и выдрой. Бережно относились к одежде и зажиточные семьи: изготавливая новую, старую не выбрасывали, а использовали в хозяйстве. Дорогие одежды могли носить два-три поколения [Осокин 1906: 198].

Носили свои одежды не стирая, пока она не приходила в полную негодность, в основном бедняки. «... бедный бурят ограничивается и в жар, и в холод, и в дождь, и в ясную погоду одним овчинным тулупом» [Бадмаева 1987: 23].

Обычно материалом для пошива зимней одежды у беднейшего слоя кочевого общества были козьи шкуры, наименее прочный в носке материал, для летней — самая дешевая хлопковая ткань далемба [Галданова 1992: 34].

Плохие шкуры, из которых шили себе одежды бедняки, закаменские буряты называли *дагадха*¹. Это же слово вошло в обиход бурят и как ругательное. Нередко бедняки донашивали одежды своих более богатых родственников, а батраки — своих хозяев.

Свидетелями такого уровня благосостояния бурятских, монгольских сообществ стали путешественники и исследователи, оставившие свои впечатления в отчетах и

¹ В бурятском языке так называлась любая невыделанная шкура.

историко-этнографических очерках. Вполне естественно, что бедняка, имевшего всего один тулуп на все случаи жизни, меньше всего волновали вопросы гигиены. Нищета и грязь характеризовали и жилище бедняка.

В традиционном жилище кочевника — войлочной юрте основным источником грязи выступал земляной пол, который сверху покрывали войлоками и шкурами, при этом, перекочевывая с одного стойбища на другое, семья старалась не устанавливать юрту на месте, где оставались следы расположения другой юрты [Цэрэнханд 1992: 34].

Смена пастбищ для скота в степной и пустынной зонах происходила примерно через две недели, и место стоянки не выбивалось. У бурят, ведущих полукочевой образ жизни, цикл хозяйственной деятельности делился на два периода — теплый и холодный. С наступлением тепла перекочевывали на летнее поселение, осенью перебирались на зимник. Традиционные деревянные юрты тщательно отмывались водой и песком каждый раз при сезонных переездах с зимника на летник и обратно [Басаева 1993: 52–90].

Во дворе бурятской усадьбы обычно росла трава, топтать которую запрещалось. Перемещались между хозяйственными постройками по тропинкам или специальным деревянным дорожкам-настилам. Меховые одежды, постель в целях избавления от паразитов в зимнее время регулярно вымораживались, летом — просушивались. Тщательная уборка помещений и двора производилась в канун монгольского Нового года — Цагаан сара / Сагаалгана [Галданова 1992: 111].

В быту кочевники пользовались разнообразной посудой — металлическими котлами, деревянными чашками и берестяными туесками. У зажиточных была и дорогая фарфоровая посуда, которую привозили из Китая. В дореволюционной Монголии каждый человек постоянно имел при себе свою пиалу и нож. Пиалу носили в особом футляре или просто за пазухой, завернутую в кусок ткани. Угощаясь в чужой юрте, каждый ел из своей пиалы с помощью своего же ножа, который обязательно входил в экипировку взрослого мужчины [Жуковская 1988: 123]. Такой обычай во многом снижал риск распространения инфекционных заболеваний. В традиции бурят запрещалось

оставлять недоеденную пищу и грязную посуду на ночь — верили, что ночью злые духи пробовали пищу и облизывали посуду, и тем самым могли причинить болезни членам семьи.

Посуду, предназначенную для приготовления мяса, никогда не использовали для приготовления пищи из молока — чая, саламата, молочной водки, так как смешивание молока и крови считалось грехом [ПМА]. Чугунную и медную посуду обычно чистили золой, песком небольшими веничками, сделанными из кустов тальника, в изобилии растущего по берегам рек.

В XIX в. — начале XX в. тяжелый труд, антисанитарные условия быта, пьянство, по наблюдениям Г. М. Осокина, определяли пределы продолжительности жизни мужчин-бурят в 38–40 лет, семейских — в 48 лет, а сибиряков — в 40 лет [Осокин 1906: 65].

Данные Г. Р. Галдановой, собранные среди бурят Забайкалья, свидетельствуют, что возраст, маркирующий наступление старости у бурят, определялся 60 годами. Полагали, что человек, дожив до 60 лет, обретал свое счастье (*жара хүрээжэ, жарлага эдлэхэ*) [Галданова 1992: 110]. У ойратов мужчина считался старым после 45 лет, а женщина — в возрасте 35–45 лет, что отражается в обозначении возрастных категорий. Женщину указанного возраста называют *авгай* (матушка, хозяйка дома, жена), *самган* (жена, старуха), а мужчину — *хөгшин* (старик) [Бакаева 2016: 253–254].

Согласно сведениям информантов А. И. Манжигеева, бурятские мужчины считались стариками по достижении 40 лет. Достигнув этого возраста, они освобождались от работ и, как принято было говорить среди бурят, «собирали чашки», т. е. посещали шаманские жертвоприношения, свадьбы, похороны и предавались распитию спиртных напитков. Женщины же угасали на домашней работе *өөдэ үгэй боло* еще раньше [Манжигеев 1960: 178]. Очевидно, что и в далеком беспокойном прошлом кочевого общества мужчины редко доживали до 40 лет. Жизнь мужчины считалась достойной, если он умирал на поле брани. Но достигший этого возрастного рубежа мужчина становился почтенным, уважаемым человеком. Об этом свидетельствуют традиции кыргызского каганата. В Кыргызском

государстве так же, как и в общественном быту хакасов XIX в., государственной деятельностью можно было заниматься, начиная с 40-летнего возраста. В присутствии кыргызского кагана никто из тех, кому не было 40 лет от роду, не имел права сидеть [Бутанаев 1998: 253].

Таким образом, природные и климатические условия, в которых проживали кочевники Внутренней Азии, способствовали сложению особого комплекса представлений о чистоте, приемах гигиены как части повседневной культуры и народных знаний.

Полевые материалы авторов

ПМА — информатор Галданова Ц. Ц., хонготор, 1908 г. р., с. Цаган-Морин Закаменского района Республики Бурятия (Россия). Запись 2003 г.

Author's Field Data

Informant: Ts. Galdanova, Khongodor, b. 1908. Tsagan-Morin, Zakamensky District, Republic of Buryatia (Russia). Recorded in 2003.

Литература

- Бадмаева 1987 — *Бадмаева Р. Д.* Бурятский народный костюм. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1987. 144 с.
- Бакаева и др. 2016 — *Бакаева Э. П., Орлова К. В., Музраева Д. Н., Шараева Т. И., Бабинова Н. В., Хомякова И. А., Мирзаева С. В.* Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 456 с.
- Балалыкин 2013 — *Балалыкин Д. А.* Зарождение медицинской науки в период до XVII века. М.: Литтерра, 2013. 264 с.
- Басаева 1993 — *Басаева К. Д.* Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. 223 с.
- Бутанаев 1998 — *Бутанаев В. Я.* Этническая культура хакасов. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 1998. 318 с.
- Галданова 1992 — *Галданова Г. Р.* Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992, 172 с.
- Донецкая 2017 — *Донецкая Е.* Лекарственные растения в быту, медицине и косметике. Описание растений, выращивание и сбор, сроки хранения, показания, рецепты, противопоказания, косметика: в 8 т. Царство растений. Т. 4. М.: Изд-во Вече, 2017, 528 с.
- Ермакова, Повод 2007 — Ермакова Е. Е., Повод Н. А.* Традиции в народной гигиене и медицине коми юга Тюменской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 7. С. 183–194.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 195 с.
- Залкинд 1970 — *Залкинд Е. М.* Общественный строй бурят XVIII и в первой половине XIX века. М.: Наука, 1970. 399 с.
- Крадин и др. 2011 — *Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л., Очир А., Васютин С. А., Данилов С. В., Никитин Ю. Г., Эрдэнэболд Л.* Киданьский город Чинтологой-балгас. М.: Вост. лит., 2011. 173 с.
- Коновалов 1976 — *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1976. 218 с.
- Коледнева 2009 — *Коледнева Н. В.* Планета Эвенкия. Чита: Экспресс, 2009. 208 с.
- Крыласова 2007 — *Крыласова Н. Б.* Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Пермский гос. пед. университет, 2007. 352 с.
- Манжигеев 1960 — *Манжигеев И. М.* Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1960. 230 с.
- Осокин 1906 — *Осокин Г. М.* На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб: Тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с.
- Тумурова 2005 — *Тумурова А. Т.* Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2005, 224 с.
- Цэрэнханд 1993 — *Цэрэнханд Г.* Традиции кочевого стойбища у монголов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 27–36.
- Эрдэнэбат и др. 2018 — *Эрдэнэбат У., Төрбат Ц., Цогтбаатар Б., Амартүвшин Ч., Батсайхан З.* Монголчууд: талын нуудэлчдийн уламжлал (нэн эртнээс XII зууны эхэн). Ерөнхий редактор У. Эрдэнэбат. Уланбаатар: Монсудар, 2018. 264 с.
- Kradin, Ivliev 2008 — *Kradin N. N., Ivliev A. L.* Deported nation: the fate of the Bohai people of Mongolia. *Antiquity*. 2008. 82. Pp. 438–445. (In Eng.)

References

Badmaeva R. D. [The Buryat national costume]. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1987. 142 p. (In Russ.)

- Bakaeva E. P. et al. [Cross-Border Culture: investigating traditions of Western Mongols and Kalmyks in a comparative perspective. Collected essays]. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2016. 456 p. (In Russ.)
- Balalykin D. A. [The emergence of medical science before the 17th century]. Moscow: Litterra, 2013. 264 p. (In Russ.)
- Basaeva K. D. Settlements and dwellings of the Alar Buryats (mid-to-late 19th – early 20th centuries). [Turko-Mongols: excerpts from the history of economy and material culture]. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 52-89. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. [Ethnic culture of the Khakass people]. Abakan: Khakass State Univ., 1998. 318 p. (In Russ.)
- Donetskaya Ye. [Medicinal herbs in everyday life, medicine and cosmetology. A description of herbs, their cultivation and harvesting, shelf life, indications, recipes, contraindications, cosmetics]. In 8 vol. Vol. 4: [Plant Kingdom]. Moscow: Veche, 2017. 528 p. (In Russ.)
- Erdenebat U. et al. [The Mongols. Steppe nomadic traditions (from the earliest times to the early 12th century)]. U. Erdenebat (ed.). Ulaanbaatar: Monsudar, 2018. 264 p. (In Mong.)
- Ermakova E. E., Povod N. A. The Komi population residing in the South of Tymen Oblast: traditions in folk hygiene and medicine. Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii. 2007. No. 7. Pp. 183–194. (In Russ.)
- Galdanova G. R. [Zakamensk Buryats: historical and ethnographic essays mid-to-late 19th – early-to-mid 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 172 p. (In Russ.)
- Koledneva N. V. [Planet Evenkia]. Chita: Express, 2009. 208 p. (In Russ.)
- Konovalov P. B. [The Xiongnu in Transbaikalia]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1976. 218 p. (In Russ.)
- Kradin N. N. et al. [The Khitan city of Chintologoy-balgas]. Moscow: Vost. Lit., 2011. 173 p. (In Russ.)
- Kradin N. N., Ivliev A. L. Deported nation: the fate of the Bohai people of Mongolia. Antiquity. 2008. Vol. 82. Is. 316. Pp. 438–445. (In Eng.)
- Krylasova N. B. [The archeology of everyday life: material culture of the medieval Urals]. Perm: Perm State Univ., 2007. 352 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. M. [The Yangut clan of Buryats: an effort of historical and ethnographic research]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1960, 230 p. (In Russ.)
- Osokin G. M. [On the border of Mongolia: essays and materials on the ethnography of Southwestern Transbaikalia]. St. Petersburg: A. S. Suvorin, 1906. 304 p. (In Russ.)
- Tserenkhand G. Traditions of the Mongol nomadic camp. [Turko-Mongols: excerpts from the history of economy and material culture]. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 27–36. (In Rus.)
- Tumurova A. T. [Genesis of the Buryat customary law]. Ulan-Ude: Buryat State Univ., 2005. 224 p. (In Russ.)
- Zalkind E. M. [The social structure of the Buryats: 18th to early-to-mid 19th centuries]. Moscow: Nauka, 1970. 399 p. (In Russ.)
- Zhukovskaia N. L. [Traditional culture of the Mongols: categories and symbols]. Moscow: Nauka. 1988, 195 p. (In Russ.)

